

Прения о всесоюзном статусе Российской академии наук (1925)

Анна Цыпкина

Debate on the All-Union status of the Russian Academy of Sciences (1925)

Anna Tsyapkina

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24060143, EDN: RLMGTC

После установления советской власти встал вопрос об институционализации Российской академии наук (РАН; до 1917 г. — Петербургской/Императорской Академии наук) в новой общественно-политической системе. В 1924–1925 гг. руководство Академии ходатайствовало о разрешении празднования её 200-летнего юбилея с приглашением иностранных учёных, в связи с чем возникла необходимость в срочном порядке утвердить устав организации и решить вопрос о её ведомственной принадлежности.

В литературе практически не уделялось внимания процессу принятия ЦИК и СНК СССР решения о признании за академией всесоюзного статуса, а ход обсуждения этого вопроса и аргументы сторон подробно не рассматривались. В кратком историческом очерке «Академия наук СССР» этому событию посвящён только один абзац¹. То же — в сборнике исторических очерков «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв.»², но уже с дополнением, что всесоюзности академии противились представители Украины³. В статье А.Л. Худобородова и В.А. Заровнятных повторён единственный абзац про постановление ЦИК и СНК, но с неправильной датой⁴.

Чуть подробнее обзор предыстории этого постановления рассмотрен В.С. Соболевым в тезисах конференции «Наука и техника: вопросы истории и теории»⁵, однако непосредственно хода его разработки, в частности обсуждения этой темы на заседании фракции РКП(б) во время III сессии ЦИК СССР в Тифлисе (март 1925 г.), никто из историков не касался. С позиций профес-

© 2024 г. А.Г. Цыпкина

¹ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семёнов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 277.

² Колчинский Э.И. Союз науки и труда: неравноправный брак по расчёту // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв. СПб., 2003. С. 418.

³ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991. Т. 1. 1922–1952. М., 2000. С. 38. То же см.: Документы по истории Академии наук СССР: 1917–1925 гг. / Отв. ред. Б.В. Левшин, сост. В.А. Трякина. Л., 1986. С. 323; Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего... Российская академия наук: национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб., 2012. С. 132–133.

⁴ Худобородов А.Л., Заровнятных В.А. Реорганизация Академии наук в советском государстве в 20-е годы XX в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Т. 13. 2013. № 2. С. 74–76.

⁵ Соболев В.С. Признание Российской академии наук высшим всесоюзным учёным учреждением // Наука и техника: вопросы истории и теории. Вып. XXXVIII. Материалы XLIII Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук. СПб., 2022. С. 49–56.

сионального юриста комплекс документов, касающихся прений о всесоюзном статусе академии, рассмотрен в статье О.Д. Максимовой. Она отметила, что этот вопрос увязывался «с федеративным устройством Советского государства, и его решение вытекало из предметов ведения союзных и республиканских органов по Конституции СССР 1924 г.»⁶. Автор привела основные аргументы заседавших в прениях, но некоторые важные документы и детали исторического контекста остались за рамками её статьи.

Одним из главных действующих лиц этой истории стал видный деятель партии большевиков А.И. Рыков. Ещё 11 мая 1922 г. в записке члена Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменева говорилось, что ему поручено наблюдение за тем, чтобы «существование таких учреждений, как Академия наук и Публичная библиотека, было обеспечено, хотя бы в минимальной степени, с тем, однако, чтобы их низшие просветительные ячейки не были уничтожены, но чтобы сокращение пало главным образом на театр, искусство и пр[оч].»⁷. Рыков находился в тесном контакте с непременным секретарём РАН востоковедом С.Ф. Ольденбургем и вице-президентом Академии математиком В.А. Стекловым.

О закреплении за РАН всесоюзного статуса и о её возможном переподчинении общесоюзным ведомствам имелись разные мнения. 27 января 1925 г. на имя Рыкова, ставшего к тому времени председателем Совнаркома СССР, пришла срочная докладная записка от наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского и заведующего Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомата просвещения Ф.Н. Петрова. В ней указывалось, что «на территории Союза ССР в настоящее время функционируют две Академии наук: Российская в Ленинграде и Украинская в Киеве»⁸, а также объяснялись основные различия РАН и УАН. Последняя, созданная лишь в ноябре 1918 г., не имела такой разветвлённой сети учреждений, как российская с 200-летним опытом существования, и ориентировалась в первую очередь на исследования национальной культуры и науки.

Перечислив заслуги и отметив общесоюзный характер деятельности РАН, авторы записки, тем не менее, сообщали: «Народный комиссариат по просвещению... считает нужным резко подчеркнуть необходимость оставить Российскую академию наук в ведении и на бюджете Наркомпроса РСФСР, ибо [она] является учреждением, в котором живы ещё старые традиции, старая идеология», и «не может ещё полностью воспринять идеологию Рабоче-крестьянского государства, а в вопросах марксизма и материализма многие академики стоят на прямо противоположной позиции. Поэтому требуется непрерывный идеологический контроль и руководство над деятельностью, планом и содержанием научных работ Академии наук со стороны органа, тесно связанного с научной и исследовательской деятельностью страны. Таким органом, несомненно, является только Наркомпрос РСФСР, на территории которого находится РАН, и объединяющий в своём составе крупнейшие научно-исследовательские учреждения СССР, с которыми Российская академия наук находится в тесной, часто непрерывной связи. Таким образом, Наркомпрос считает целесообраз-

⁶ *Максимова О.Д.* О признании Российской Академии наук высшим учёным учреждением Союза ССР в 1924–1925 гг. // Роль государства в развитии науки: историко-правовой аспект. Сборник статей Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием (Москва, 9 ноября 2021 г.). М., 2021. С. 92.

⁷ Академия наук в решениях Политбюро... Т. 1. С. 27.

⁸ ГА РФ, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 12.

ным в ознаменование двухсотлетия существования Российской академии наук придать ей значение всесоюзного органа, но по соображениям идеологическим, плановым и организационным и в целях избежания ущерба единства научно-исследовательской деятельности в СССР считает, что объявлению [её] органом, имеющим всесоюзное значение, должно сопутствовать и постановление об оставлении Академии в сети учреждений НКП РСФСР, аналогично тому, как это имело место с признанием Публичной библиотеки имени Ленина общесоюзной с оставлением её в ведении НКП РСФСР»⁹.

13 февраля того же года СНК СССР постановил «признать целесообразным дополнить порядок дня 3—1 сессии ЦИК Союза ССР вопросом о создании общесоюзной академии наук и поручить т.т. Рыкову и Енукидзе А.С. согласовать этот вопрос»¹⁰, о чём из протокола заседания сделали выписку для Президиума ЦИК. 18 февраля Стеклов составил доклад о необходимости всесоюзного статуса для РАН¹¹. 19 февраля в Кремле для управляющего делами СНК СССР Н.П. Горбунова была составлена справка: «Тов. Стеклов передал по телефону из Ленинграда следующее: “Приехал Халтурин¹² и сообщил, что завтра в СНК СССР предполагается рассмотрение Устава Российской академии наук. Представитель академии не был вызван, и мы совершенно случайно об этом узнали. Между тем вопрос этот имеет общесоюзный характер и, как вчера передал Н.П. Горбунов, вопрос об общесоюзности Академии наук стоит на повестке Сессии ЦИК’а в Тифлисе. Записка, которую поручил составить Н.П. Горбунов, с соображениями всесоюзности Академии наук, готова и завтра будет послана”»¹³.

20 февраля Стеклов представил в СНК «Записку Академии наук о всесоюзном характере её работы»¹⁴. В ней излагалось противоположное позиции Луначарского представление о том, какому органу власти должна подчиняться РАН. Отмечалось, что она «уже по мысли её основателя Петра I... была поставлена в совершенно исключительное положение среди всех других учёных и научных учреждений страны. Это положение она сохраняла в течение 200 лет неизменным даже в самые реакционные периоды царского самодержавия... Министерство народного просвещения было лишь передаточным органом, передававшим все заявления Академии наук на рассмотрение органов высшей власти, причём сношения Академии с последней по её Уставу совершались непосредственно через её президента, вице-президента и неперменного секретаря. Даже попытка министра Кассо подчинить себе Академию, основанная на букве закона, говорившего, что Академия состоит в ведомстве Министерства народного просвещения, окончилась полной неудачей... Признание всесоюзности Академии наук ни в какой мере не сопряжено с вопросом о каких-либо административных функциях по отношению к другим учёным учреждениям Союза или каким-либо обязательным воздействием Академии на эти учреждения,

⁹ Там же, л. 11.

¹⁰ Там же, л. 1.

¹¹ Сообщение о выступлении академика В.А. Стеклова // Известия РАН. Сер. VI. Т. 19. Л., 1925. С. 903—904.

¹² Д.Е. Халтурин — управляющий делами Академии наук (*Козлов В.В., Павлов В.П., Сергеев А.Г.* Владимир Андреевич Стеклов (1863—1926) // Труды Математического института имени В.А. Стеклова. 2015. Т. 289. С. 7—16).

¹³ ГА РФ, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 2.

¹⁴ Там же, л. 8. Впервые записка опубликована в 1968 г. со значительными пропусками и без рассмотрения контекста, в котором она готовилась (Организация науки в первые годы советской власти (1917—1925). Сборник документов / Отв. ред. К.В. Островитянов. Л., 1968. С. 199—202).

[она] останется, как и была, исключительно учёным, рабочим учреждением. Плодотворная дальнейшая работа... при масштабе деятельности, проникающей в интересы первостепенной важности всех республик Союза, возможна без напрасных помех только в том случае, если Российская академия наук не только будет признана теоретически учреждением всесоюзным, но и практически будет поставлена в положение, формально связанное с каким-либо высшим государственным всесоюзным органом». Свои доводы Стеклов резюмировал предложением сделать её «учёным учреждением, состоящим при СНК СССР, через который удобно было бы проводить смету Академии. Присоединять... к ЦИК'у СССР едва ли было бы целесообразно, так как этот высший орган советской власти работает сессионно и занят важнейшими вопросами внутренней и внешней политики более общего характера».

Рыков вынес этот вопрос на обсуждение фракции РКП(б), собравшейся во время III сессии ЦИК СССР в Тифлисе, «предлагая наметить принципиальное решение и предопределить, где должна быть Академия: при СНК или при ЦИК Союза»¹⁵. На заседании 5 марта помимо него присутствовали М.И. Калинин (председатель), секретарь ЦК КП(б) Украины В.П. Затонский, председатель Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровский, ответственный работник Наркомпроса РСФСР И.И. Ходоровский, начальник одного из управлений Наркомпроса ЗСФСР М.П. Орахелашвили, председатель СНК Грузинской ССР Ш.З. Элиава, секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе, нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин, председатель Госплана УССР Г.Ф. Гринько, председатель ЦИК БССР А.Г. Червяков и др. Изначально на этом заседании рассматривался вопрос об утверждении устава Академии и, как отметил Рыков, «мы... должны сказать, является ли она союзной Академией или Академией РСФСР», потому что «мы тут получили наследство, которое трудно передать одной части Союза», и «делить эти богатства по душам и нациям значит рушить их»¹⁶.

По поводу целесообразности присвоения общесоюзного статуса Академии заявили высказаться 14 ораторов, из них 10 — от Украинской ССР. Во время прений несколько раз указывалось на отмеченный Стекловым факт, что «по самому содержанию работ Академия была до сих пор общесоюзной». Исходя из этого Орахелашвили обратила внимание собравшихся на то, что речь идёт не о создании общесоюзной Академии наук, а о формальном признании фактически общесоюзной деятельности РАН. Против всесоюзной Академии выступили представители УССР. Гринько заявил, что РАН «проводила русификацию», поэтому объявление её общесоюзной будет расценено молодёжью в его республике как «возврат к известной мажоризации РСФСР со стороны России»¹⁷. Затонскому не понравилось, что общесоюзным органом будет руководить Наркомпрос только одной республики — РСФСР. При этом отрыв Академии от Наркомпроса он считал ненужным — это будет означать отрыв науки от преподавания¹⁸.

Червяков немного смягчил слова своего украинского коллеги: «Мы хотели бы, чтобы Союз своей мощью, всеми своими средствами помог нам, не имеющим возможностей, ни материальной, ни всякой другой, поставить у себя развитие науки на должную высоту», чтобы в таком случае республики могли бы

¹⁵ ГА РФ, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 51 (нумерация листов этого дела идёт в обратном порядке).

¹⁶ Там же, л. 40.

¹⁷ Там же, л. 22–21.

¹⁸ Там же, л. 36.

«не бояться» создания учреждения, объединяющего научную мысль в масштабе всего Союза¹⁹. Петровский попросил позволить «и нам сделать такими же выдающимися несколько своих национальных украинских, кавказских и других лиц»²⁰. Элиава возразил: «Постановлением ЦИК какой-нибудь республики авторитеты не создаются»²¹. Действительно, создание Академии наук и наработка ею научного потенциала требовали времени. Стеклов писал об этом так: «Не могут иметь всемирного и всесоюзного авторитета недавно созданные другие академии, как, например, молодая ещё Всеукраинская академия в Киеве. Им нужно ещё прожить и проработать немало лет, создав “научные институты с долголетней практикой”, пока они достигнут того положения в науке, которое уже признано всем миром за Российской академией наук»²².

Чичерин высказался за то, чтобы в общественных науках «исключить возможность создания общесоюзной академии», потому что «должны быть академии у групп национальностей»²³. Калинин возразил, что Академия занимается не только и не столько общественностью, и отметил появляющуюся тенденцию: из органа отвлечённой науки РАН превращается в орган научного руководства, так как промышленность будет попадать под влияние науки всё больше²⁴. Далее он сообщил, что поставил вопрос «чисто принципиально: нужна ли нам союзная академия и союзная наука». Рыкову «хотелось, чтобы фракция выразила своё принципиальное отношение к возможности объявления Ленинградской академии наук общесоюзной и установила условия этой возможности с тем, чтобы она никаких административных прав не имела... и чтобы интересы научного исследования отдельных частей Союза, в особенности наиболее отсталых, были обеспечены всеми способами»²⁵. Интересно, что в его речи отчётливо прозвучали мотивы аргументации, представленной в записке Стеклова.

В результате решение о переименовании РАН в общесоюзную приняли большинством голосов (точное количество присутствовавших на заседании по доступным на данный момент в архивах фрагментам установить не удалось), против высказались 33 человека. Однако вопрос о том, при каком органе государственной власти должна находиться академия — ЦИК или СНК СССР, — не рассматривался.

В ходе обсуждения вместо «создания» всесоюзной академии решили «признать» за РАН статус общесоюзной. Тем не менее в протоколе заседания ошибочно отмечено: «Доклад А.И. Рыкова об образовании общесоюзной Академии наук на 3—2 сессии ЦИК Союза СССР не ставить». Этот пункт подписал секретарь заседания Енукидзе²⁶. 23 мая Горбунов по поручению Рыкова направил ему письмо под грифом «совершенно секретно», в котором запросил о присылке постановлений фракции РКП(б) на сессии и стенограммы прений по этому вопросу. В письме имеется приписка: «Нужно изменить организацию Академии наук применительно к новым условиям»²⁷.

¹⁹ Там же, л. 20—19.

²⁰ Там же, л. 32.

²¹ Там же, л. 26.

²² Там же, л. 6 об.

²³ Там же, л. 24.

²⁴ Там же, л. 24—23, 29.

²⁵ Там же, л. 17—16.

²⁶ Там же, ф. Р-3316, оп. 16, д. 181, л. 2.

²⁷ Там же, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 15.

В соответствии с решением фракции Рыков внёс на рассмотрение Политбюро ЦК РКП(б) вопрос о признании РАН всесоюзным учреждением и о последующей передаче её ведения из Наркомпроса РСФСР в СНК СССР. 20 июня он направил в ЦК записку, в которой подчеркнул, что «по самому содержанию своих работ Ленинградская академия была и есть общесоюзной. Она ведёт работу для всех частей Союза. В ней сосредоточены накопленные в течение 200 лет исключительные богатства (всякого рода музеи, библиотека, насчитывающая более 3000 000 томов), раздать которые по частям Союза едва ли правильно — это значит разрушить их». Далее он информировал о состоявшемся в Тифлисе обсуждении проблемы: «В виду приближения 200-летнего юбилея Академии наук и необходимости к этому моменту утвердить Устав Академии я предлагал обменяться на фракции мнениями по этому вопросу, наметить принципиальное решение его, предопределить, что Всесоюзная академия будет учреждена при ЦИКе или СНК Союза, не будет иметь никаких административных прав и что интересы научных исследований отдельных частей Союза, в особенности наиболее отсталых, будут полностью обеспечены... В общем было принято моё предложение и постановлено просить ЦК партии подготовить этот вопрос и поставить его на следующей сессии ЦИКа». В завершение говорилось: «Ввиду того, что дата празднования юбилея (первые числа сентября) приближается, крайне неудобно оставить Академию наук без Устава. Потому прошу срочно поставить на обсуждение вопрос о признании за Академией наук всесоюзного значения и передачи её из Народного комиссариата просвещения РСФСР в Совет народных комиссаров или Центральный исполнительный комитет Союза ССР, без чего не представляется возможным утвердить Устав»²⁸.

По получении принципиального согласия руководства страны события разворачивались стремительно. 27 июля постановление ЦИК и СНК СССР признавало Академию учреждением Союза, состоящим при СНК. 28 июля это решение опубликовала газета «Известия» (№ 170)²⁹. 30 июля из РАН на имя Рыкова пришла телеграмма с благодарностью, на которую 1 августа председатель СНК ответил: «Уверен, что Академия наук Союза Советских Социалистических Республик сумеет принести всю ту пользу, на которую рассчитывают рвущиеся к культуре и знаниям народы СССР»³⁰.

Однако предстояло ещё утвердить Устав Всесоюзной академии, и здесь ситуация оказалась сложнее, чем ожидалось. 24 октября Стеклов и Ольденбург написали Рыкову письмо по поводу проекта Устава, предложенного комиссией СНК РСФСР: «Вопрос о всесоюзности Российской академии наук снят с повестки ЦИК'а, но вчера мы были вызваны на совещание Комиссии т. Раевича по вопросу о рассмотрении проекта Устава Росс[ийской] академ[ии] наук. Проект считаем во всех отношениях неудовлетворительным и с конструктивной точки зрения, и по существу, § 3-й может только вызвать смех во всём учёном мире, а § 6 этого проекта ставит выборы Президиума и “академиков” по

²⁸ Академия наук в решениях Политбюро... Т. 1. С. 38.

²⁹ Документы по истории Академии наук СССР... С. 323; *Максимова О.Д.* О признании Российской Академии наук... С. 92.

³⁰ ГА РФ, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 50. Черновик послания немного иной: «Приветствую Академию наук Союза Советских Социалистических республик. Шлю ей свои пожелания и выражаю уверенность в том, что деятельность Всесоюзной академии наук принесёт огромную пользу нашему Союзу. Счастье всего человечества возможно только на основе союза трудящихся и науки» (Там же, л. 49).

пункту а) практически в крайне сложную процедуру, которая делает выборы почти невозможными и затормозит всю полезную работу³¹. Разведётся недопустимая бюрократическая волокита и целый ряд более тяжёлых, быть может, политических и национальных недоразумений. При таких условиях... лучше всего задержать дело о прохождении устава, чтобы поспешностью, непродуманностью не испортить всё дело. Лучше всего было бы обсудить вопрос в особой Комиссии под Вашим председательством. Только тогда можно рассчитывать на рациональное решение этого важного вопроса... Не откажите сделать соответствующее распоряжение тов. Н.П. Горбунову и В.А. Смольянинову». Просьбу эту выполнили, о чём свидетельствует резолюция на документе: «Т.т. Горбунову, Смольянинову. По распоряжению А.И. Рыкова вопрос об уставе снять с повестки Комиссии до возвращения т. Рыкова»³².

В результате в правительственном проекте Устава АН СССР за 1925 г. появилась следующая формулировка: «В ознаменование двухсотлетней научной деятельности Российской академии наук и принимая во внимание, что [она] является научным учреждением, ведущим научно-исследовательскую деятельность на территории всего Союза... [и] учёно-консультативным органом, обслуживающим учреждения, имеющие всесоюзное значение, признать [РАН] учёным учреждением, имеющим всесоюзное значение»³³.

В том же документе объяснялось, чем будут отличаться Российская и Украинская академии наук: последняя должна стать учёным учреждением, изучающим природные богатства Украины и украинскую историю³⁴. Необходимость учитывать пожелания республик в развитии национальных академий подчёркивалась также на заседании Политбюро 8 июля: «Ввиду того, что Академия наук обслуживала до сих пор только Великороссию³⁵, и для того, чтобы сделать её орудием науки и культуры всех, особенно отсталых наций, признать необходимость переименования её во Всесоюзную, обеспечив в ней сотрудничество всех национальных республик». Для продвижения такой деятельности было решено организовать Комиссию по просвещению всех союзных республик под руководством Рыкова³⁶. Республики, во избежание ущемления их прав, приглашались участвовать в правке проектов Устава (интересно отметить, что, согласно «Заключению союзных республик по проекту Устава Всесоюзной академии наук», больше всего основополагающих замечаний поступило от РСФСР³⁷).

³¹ В фонде А.В. Стеклова СПбФ АРАН сохранился проект устава АН (ноябрь 1925 г.), утверждённый комиссией под председательством Раевича. В нём под пунктом 3б записано: «Президент, вице-президент и неперменный секретарь академии, а также действительные члены её по научным дисциплинам, поименованные в п[ункте] “а”, утверждались бы Совнаркомом РСФСР, по представлению Наркомпроса РСФСР, по согласованию с наркомпросами союзных республик». В пункте 3а значилось: «В числе научных дисциплин, являющихся предметом деятельности Академии наук СССР, имелись бы Украинская, Белорусская, Армянская, Грузинская, Айзербаджанская, Узбекская и Туркменская (так в тексте. — А.И.) история, философия и литература» (СПбФ АРАН, ф. 162, оп. 3, д. 6, л. 11). Остаётся выяснить, изменялся ли этот абзац с конца октября или оставался прежним.

³² ГА РФ, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 14.

³³ Там же, л. 10.

³⁴ Там же, ф. Р-3316, оп. 1, д. 54, л. 12.

³⁵ Хотя и Рыков, и Горбунов получили подготовленные РАН записки об общесоюзной деятельности Академии, победила именно политическая точка зрения.

³⁶ Академия наук в решениях Политбюро... Т. 1. С. 39; Летопись Академии наук СССР (1901–1934) / Отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. Т. 4. СПб., 2007. С. 514.

³⁷ СПбФ АРАН, ф. 162, оп. 3, д. 1, л. 103–106.

6 сентября, в день 200-летнего юбилея Академии наук, состоялось торжественное заседание. На нём Калинин ещё раз озвучил тезис о необходимости помощи республикам: «Моё первое пожелание юбиляру — теснее связаться с революционными массами народа... Моё второе пожелание: так как по решению правительства Российская академия наук преобразуется во Всесоюзную академию, я бы хотел, чтобы она пришла на помощь союзным и автономным республикам и областям в развитии их языка и культуры»³⁸. О том же говорили и другие представители власти (Калинин, Енукидзе, Каменев как заместитель председателя СНК СССР): «Правительство Союза ставит одной из первых своих задач... приобщение к научной работе тех десятков национальностей, которые после долгих лет угнетения впервые в условиях Советского государства получили возможность широкого культурного и хозяйственного развития»³⁹.

В то же время указывалось и на достижения Академии в этой сфере. М.И. Яворский, выступавший от имени СНК УССР, выразил пожелание, чтобы АН СССР «действительно стала международным объединением научных работников» и чтобы она работала «не только для русской культуры, но и для культуры наций», которые были, с его точки зрения, «до сих пор подавлены». Вместе с тем он отметил заслуги Академии в деле «свободного развития украинской культуры», прежде всего создание в 1905 г. комиссии по рассмотрению вопроса о малорусском слове под председательством академика Ф.Е. Корша⁴⁰. Луначарский обратил внимание присутствовавших на то, что АН «уже до того, как ей дали высокое название Академия СССР, мощным образом содействовала нашей работе по поднятию отсталых национальностей, ибо без её знания языков почти всех народов, населяющих нашу страну, мы не смогли бы сделать того, что сделано, т.е. создать впервые грамоту для целого ряда народностей, которые не имели никакой письменности»⁴¹.

В докладе о научно-культурных итогах празднования юбилея Академии Ольденбург отметил важность её роли при советской власти: «Новый строй ставит себе задачей наиболее рациональную организацию всей жизни, и в этом деле первое слово совета и указания принадлежит науке. С самого начала существования... одной из главных задач [Академии] было всестороннее изучение страны»⁴², чем она и продолжит заниматься в ближайшие к описанным событиям годы.

Документы свидетельствуют о реальности перспективы создания академий наук союзных республик без единого координационного и курирующего центра — Всесоюзной академии. Только усилиями руководства РАН, поддержанного Рыковым и Калининным (которые последовательно и логически, с помощью аргументов, представленных авторитетными учёными, доказывали необходимость такого общесоюзного научного учреждения), научный центр СССР удалось сохранить и наделить соответствующим его значению юридическим статусом, обусловленным столетиями плодотворной работы. Основные ожидания большевиков от Академии наук были озвучены на праздновании 200-летнего юбилея АН.

³⁸ Там же, ф. 12, оп. 1, д. 29, л. 8–10.

³⁹ Там же, л. 14.

⁴⁰ Там же, л. 137.

⁴¹ Там же, л. 31.

⁴² Документы по истории Академии наук СССР... С. 339.